

Цзи Уя размышлял обо всём этом, но не собирался раскрывать свою личность собеседнику. Ведь он пока что знал слишком мало о своей супруге, и хотя она не выглядела как коварный и хитрый демонический культиватор, всё же следовало держать ухо востро.

Между ними существовал брачный договор спутников Дао, который не позволял им причинять вред друг другу. Для Цзи Уя это было крайне выгодно.

Что касается уровня культивации, Мо Чанфэн, из-за своего слабого здоровья, находился лишь на седьмом уровне ци. Да и то этот уровень был достигнут благодаря многочисленным духовным сокровищам и лекарствам, что делало его не более устойчивым, чем замок из воздуха или плавающий тростник.

Тот, кто смог осуществить захват тела, должен был быть культиватором этапа изначального младенца или выше. Чу Тянью несколько месяцев назад уже достиг этапа основания, и если бы дело дошло до боя, то без использования силы духа шансов на победу у Цзи Уя практически не было.

На протяжении всего пути Цзи Уя держал себя в руках. Если бы рядом с ним был тот самый Чу Тянью, влюблённый в Мо Чанфэна, он, возможно, сказал бы больше, чтобы не выдать себя.

Но сейчас это был уже не тот человек, и, судя по всему, нынешний спутник не хотел произнести ни слова.

Цзи Уя и Чу Тянью шли впереди, за ними следовали Пин Ань и Лань Цин. В первый день после свадьбы новобрачные должны были отправиться в главный зал, чтобы поклониться родителям и старейшинам рода.

Семья Мо, будучи давно укоренившимся в городе Юньцзян кланом культиваторов, владела обширной усадьбой. Даже путь от Павильона Внемлющего Журавлю, где жил Цзи Уя, до главного зала занимал целых пятнадцать минут.

По пути они проходили через извилистые галереи, где повсюду виднелись изысканные павильоны с резными балками и изогнутыми крышами. В садах росли редкие цветы и бамбук, а вдоль каменных дорожек стояли деревья бегонии Серебряной Луны.

Сейчас как раз был сезон цветения бегонии, и издали казалось, что кроны деревьев увенчаны огромными букетами белоснежных цветов с нежными жёлтыми тычинками.

Когда наступала ночь и в небе появлялась луна, тысячи цветов начинали излучать слабое серебряное сияние, словно лунный свет собрался на земле. Именно поэтому бегония получила своё название. Это было любимое растение матери Мо Чанфэна, которая уже покинула этот мир.

Все деревья бегонии в усадьбе Мо были посажены нынешним главой семьи в память о любимой жене. Несмотря на то что она ушла из жизни много лет назад, он до сих пор хранил верность её памяти и не взял себе новую супругу.

Когда Цзи Уя и его спутники прибыли в зал, на главном месте сидел суровый мужчина средних лет, внешне напоминавший Мо Чанфэна. Рядом с ним стоял юноша лет пятнадцати-шестнадцати.

По обеим сторонам зала сидели старейшины семьи Мо, одетые в традиционные одежды клана. В этот момент все взгляды устремились на Цзи Уя и Чу Тянью, когда они вошли внутрь. Пин Ань и Лань Цин остались снаружи.

— Приветствую отца. Мы с Тянью немного опоздали, прошу прощения у вас и всех дядей и дедов.

Он сделал шаг вперёд и поклонился главе семьи Мо Сяююню, но не успел завершить поклон, как его поддержали.

Мо Сяююнь похлопал его по плечу, сожалея о слабом состоянии сына, и, помогая ему подняться, с заботой произнёс:

— Время ещё не подошло, это мы пришли раньше. Как твоё здоровье?

Чу Тянью, стоявший рядом, сделал шаг вперёд и взял Мо Чанфэна под руку. При стольких зрителях он не мог оставаться безучастным.

Слово «Тянью» было обращено не к нему, и, мысленно повторяя мантру очищения сердца, Чу Тянью не мог отрицать, что чувствовал что-то, услышав это имя, которое не звучало для него сотни лет.

— Отец, время почти пришло, брат и невестка должны поднести вам чай.

Юноша в белых одеждах мягко обратился к Мо Сяююню.

Цзи Уя, войдя в зал, сразу же узнал в стоявшем рядом с Мо Сяююнем юноше младшего брата Мо Чанфэна, Мо Синфэна, который был на три года моложе.

— Хм.

Мо Сяююнь холодно кивнул, и его отношение к младшему сыну резко отличалось от того, как он обращался со старшим.

Цзи Уя опустился на колени. Это было то, что должен был сделать Мо Чанфэн, но для него самого это не имело значения.

Семья Мо воспитала Мо Чанфэна, и Цзи Уя, не любивший быть в долгу, уже оплатил за это, восстановив душу Мо Чанфэна и отправив её в новый круг перерождений. Всё, что ему оставалось, — это достойно сыграть роль Мо Чанфэна перед уходом.

К тому же его частица души была сыном Мо Сяюня восемнадцать лет, и он уже не мог сосчитать, сколько раз становился на колени и произносил эти слова.

— Отец, пожалуйста, примите чай.

Чу Тянью с безразличием опустился на колени, поднял чашку и, слегка улыбнувшись, обратился к Мо Сяюню, своему свёкру.

Женский голос, произнёсший эти слова, избавил его от последних остатков смущения. Что касается того, что даосский наследник Секты Меча Небесного Дао преклоняет колени перед культиватором уровня золотого ядра... Чу Тянью уже окаменел.

Накануне, во время свадебной церемонии, жених был без сознания, но Чу Тянью лично совершил три поклона и девять земных поклонов перед небом и землёй, а также перед родителями. Сегодня это было просто повторением.

Чу Тянью протянул чашку и опустил голову. Со стороны это выглядело так, будто новобрачная просто смущалась.

Мо Сяюнь с добротой принял чай, сделал глоток и протянул ему красный конверт. Когда тот взял его, глава семьи с улыбкой добавил:

— Тянью, ты и Чанфэн выросли на моих глазах. Я знаю, какие чувства ты испытываешь к нему, и уверен, что ты станешь хорошей женой.

— У Чанфэна слабое здоровье, и, возможно, ему потребуется твоя забота.

Чу Тянью не хотел отвечать на это. После того как его вынудили выйти замуж, он теперь должен был ещё и учиться быть хорошей женой? В его сердце не было ни капли волнения, только желание найти свой меч.

— Отец, не беспокойтесь, Тянью обязательно станет хорошей женой и будет заботиться обо мне.

Цзи Уя, стоя рядом, с улыбкой объяснил необычное поведение Чу Тянью.

— Вы так прямо говорите, что Тянью даже смутилась.

Чу Тянью взглянул на человека, который заступился за него, понимая, что Мо Чанфэн сделал это не ради него, но всё же чувствуя некоторую благодарность.

— Супруга, разве не так?

Эти слова Мо Чанфэна мгновенно уничтожили всю благодарность в сердце Чу Тянью.

После того как чай был поднесён, настало время поклониться старейшинам. Все они были связаны кровными узами с Мо Чанфэном, и после обмена любезностями с дядями, дедами и прадедами они все вместе направились в родовой храм.

Как любящая пара, Цзи Уя и Чу Тянью шли, держась за руки, позади старейшин и Мо Сяюня.

— Брат и невестка так хорошо ладят.

Мо Синфэн, отставший на полшага, вдруг с улыбкой обратился к ним.

Цзи Уя краем глаза взглянул на Чу Тянью, думая о том, что между ними нет никакой особой близости.

Но раз Мо Синфэн заговорил, они не могли просто промолчать. Цзи Уя слегка кашлянул и с улыбкой ответил:

— Мы выросли вместе, поэтому наши чувства сильнее, чем у обычных супругов.

Произнеся это, он почувствовал, как рука, державшая его под руку, слегка напряглась.

Цзи Уя усмехнулся. Эти маленькие реакции супруги были просто очаровательны, да и характер у неё был куда лучше, чем у тех капризных и несносных женщин-культураторов. Раскрывать свою личность пока что не было необходимости, можно было отложить это на потом.

Вспомнив о тех женщинах, которых он знал, Цзи Уя едва заметно скривился. Глядя на своего тихого спутника, он подумал, что, возможно, в этот раз несчастье обернулось благом.

Мо Синфэн с улыбкой посмотрел на Чу Тянью и в шутку сказал:

— Только вчера невестка вошла в наш дом, а сегодня брат уже выглядит лучше. Надо было раньше сыграть свадьбу.

Цзи Уя терпеть не мог таких людей, как Мо Синфэн, с их улыбками, за которыми скрывалось равнодушие. Пятнадцатилетний юноша казался ребёнком, но его лицо было скрыто за маской.

Причина, по которой Мо Синфэн так поступал, вероятно, заключалась в том, что он хотел быть больше похожим на Мо Чанфэна, чтобы заслужить больше любви от Мо Сяюня.

Он во всём подражал Мо Чанфэну: тот любил носить белые одежды и был мягок в общении, и Мо Синфэн поступал так же.

За время короткой беседы они уже подошли к воротам родового храма.

Цзи Уя знал, что его спутник не любит говорить, поэтому каждый раз, когда Мо Синфэн пытался вовлечь его в разговор, он переводил тему.

Когда все остановились, Мо Синфэн сразу же замолчал, а Цзи Уя услышал, как Мо Сяююнь зовёт его и Чу Тянью вперёд.

Цзи Уя, идя рядом с Чу Тянью, думал о том, что на второй день свадьбы ещё никто не обратил внимания на поведение Чу Тянью, но со временем это обязательно заметят.

К тому же он сам не был Мо Чанфэном. Играть его роль какое-то время было возможно, но если это затянется... Впрочем, он и не собирался оставаться в доме Мо. Через несколько дней он найдёт повод покинуть главную усадьбу.

— Отец.

Цзи Уя, продолжая размышлять, с улыбкой поклонился Мо Сяююню.

<http://bllate.org/book/15414/1363155>